Караванщик 8. Рагмильда

ВАЛКЕР

Валкер Валкер

КАРАВАНЩИК 8. Рагмильда

https://litres.ru/74746499
SelfPub; 2026

Аннотация

Франция. Начало XIII века. Первая часть покажет: к стройке Нотр-Дамм-де-Пари с разных сторон страны идут двое — женщина и мужчина. Их судьбы переплетутся в многоходовой игре среди повседневного быта, благородного долга и страшной инквизиции...

Валкер
КАРАВАНЩИК
8. Рагмильда

КАРАВАНЩИК 8

Когда мы смотрим на мрак, страдание, наслаждение или счастье – то часто ли задумываемся об их происхождении и влиянии на то, откуда мы пришли и куда идём ...

Пролог

Старик обходил ночной лагерь. Путники, измотанные дневным переходом, после спешного ужина разошлись по палаткам, желая поскорее забыться в своих спальниках. Женщина средних лет ещё сидела у костра. Поразмыслив над чем-то, она сделала запись в тетрадь. Наклонившись к последним всполохам огня, она со вздохом удовлетворения потянулась и встала. Затем пройдя к себе в палатку, сунула тетрадь в рюкзак, размотала спальник и, перед долгожданным сном, захотела напоследок выйти под необъятный ковёр мерцающих звёзд. У неё был свой личный ритуал – поймать падающую звезду, как знак благоприятного сна. Она вздрогнула, увидев, у почти потухшего костра тёмную

фигуру караванщика. Не ожидала, что к её огню подсядет он. Она была рада поговорить с ним на сон грядущий о разном, но старик неотрывно смотрел на перелив багровых углей. Женщина осторожно присела рядом и стала также смотреть на их магический узор. Вскоре старик отстранённо произнёс, что ночь сегодня будет интересной, и длинной палкой пошуровал чёрно-красные комки. Пламя вновь взвилось вверх, и сноп искр унёс внимание женщины к звёздам ...

РАГМИЛЬДА

Время действия: Франция, начало XIII-го века

Главные лица: Рагмильда, мастер по литью и кровле Гийом де Мартэ

Второстепенные лица: Клара, Филипп, Оливия, Аделард, Жюли, Паскаль, Жоан, Жоффруа

Дополнительные лица: знать, монахи, инквизиторы, солдаты, палачи, люд, чернь ...

Часть первая
Испытания

Светало. В лесу было тихо и слегка морозно. Ночной снег припорошил землю. Рагмильда сладко потянулась и, зевнув, открыла веки. В её уме пронеслась мысль: «Сколько же часов я проспала в такой неудобной позе и в таком необычном для

меня месте, которое, скорее, походило на медвежью берлогу, нежели на людское жилище». Растерев лицо ладошками для придания ему свежести, она стала выкарабкиваться наружу из-под огромной коряги упавшего дерева, незаметное углубление под которой она использовала для нехитрого ночлега. Наконец ей удалось выпрямиться во весь рост, и спутанные ото сна густые волосы пшеничного цвета свободно упали на её плечи. Она была стройной молодой женщиной, и это просматривалось через толстое домотканное покрывало, которое было накинуто поверх длинного льняного платья. На вид ей было не более тридцати, хотя в то далёкое и мрачное время начала XIII века такой возраст вполне мог говорить о том, что жизнь непредвиденно длинна. Сделав несколько разминочных движений для бодрости, она вытащила из кожаной сумы флягу с сервуазом – кисловатым пивом, что не портилось в дороге, вчерашнюю несъеденную луковицу и кусок ржаного хлеба – полноценный завтрак на первую половину дня. После такого пиршества Рагмильда прикинула расстояние, которое ей предстояло преодолеть до Парижа. У ней было важное задание, а точнее говоря, серьёзная миссия, для которой её избрала сама мать-настоятельница. Это поручение сводилось к доставке особой книги одному мастеру, который был нанят Церковью строить кафедральный собор в столице. Такое простое поручение в средневековье было актом почти добровольной смерти, так как по дорогам рыскали толпы разных бродяг, шайки разбойников, но самое худшее

из худших – инфернальные отряды чёрных рыцарей. Их свирепость несла опустошение не только в этот мир, но и в мир загробный. Поэтому любому путешественнику необходимы были чрезвычайная ловкость, искусство и опыт, чтобы виртуозно уйти от их преследования. Как раз такими приёмами Рагмильда и владела. Этому её обучала долгие годы мать-настоятельница, чтобы с лёгкостью, обманным движением, быстро превратиться, например, в убогую и немощную старуху, которая навевала бы дурноту и явное отторжение. Всегда оборотные практики хранились в секрете, ибо они вызывали страх и панику у непосвящённых. Невежественное общество с усердием преследовало тех, кто владел ими, предавая их в страстные объятия инквизиции или же расправлялось с ними само. На какие только хитрости и уловки приходилось идти адептам, чтобы удачно скрыть своё существование прямо у всех на глазах. Но самым дерзким обманом являлось создание действующей «лечебницы» под видом полноценной картины, происходящих там мук и страданий. В целом, по всей Франции было много настоящих лечебниц для немощных, больных, прокажённых. Их создавали, чтобы купировать заразу. Стены таких обителей на многие лье вокруг обходила стороной любая проверка, включая и пастырей душ человеческих, поскольку устрашающий вид изуродованных тел отпугивал как чиновников, так и самих клириков. Таким заведениям выдавались особые грамоты с печатями от самой Церкви на проведение богоугодных дел. А

местным церковникам и чинушам было невдомёк о существующем подлоге под их носом, где в одной из таких лечебниц практиковались тайные знания. Да и кто мог донести властям, если мать-настоятельница такой обители была в переписке с самим Парижским прево. Письма шли через третьи руки, без подписей и без печатей, – только знакомый почерк на плотной бумаге, да воск без герба. Настоятельница сжигала каждое письмо в тот же вечер, когда читала. Пепел смешивала с золой из печки и выносила в сад, под яблони. Она знала: если бумага попадёт не в те руки – сгорит не только она. Сгорит вся обитель, со всеми ее грамотами, печатями и богоугодными делами.

С детства Рагмильда была красивой, а повзрослев, стала ещё очаровательней. Девушки и женщины всегда были излюбленной добычей на многие столетия не только для простолюдинов, но и для более благородных лиц, когда нежные тела и их жизни часто висели на волоске, завися от прихоти грубой мужской силы. В обители было много учеников разного возраста, которых готовили к различным делам и поручениям. А самым прилежным и способным всегда доставалась сложная задача – выход из тайной общины в жестокий мир людей с особой миссией. Вот и сейчас, по истечении почти двадцатилетнего обучения, перед Рагмильдой открылась возможность последней проверки на зрелость и опытность в искусстве перевоплощения. Ей была поручена доставка важной книги некоему лицу, которого выбрала настоятельница.

Избранным был мастер кровли и бронзового литья. Он, сам того не ведая, своим кропотливым трудом и должным отношением к делу создавал красоту в металле, чем и привлёк её внимание. «Курьеру» предстояло пересечься с ним, которая с помощью достигнутого мастерства перевоплощения и умения внушать должна была войти к нему в доверие и изменить его жизненный путь. В искусство перевоплощения входило не только мгновенное изменение внешности, но и умение безоговорочно убеждать, как бы психически отключать человека, вкладывая в его сознание нужную информацию. Вобрав в лёгкие свежий воздух, чтобы продолжить свой путь, Рагмильда замерла, вслушиваясь в тишину, а затем мгновенно припала к земле, прижавшись ухом. Стремительно вскочив, она точным движением забросила суму обратно в берлогу. Затем быстро сгребла ладонями утренний снег с пожухлой листвой, обсыпала себя всей этой грязью с головы до ног и, разломав сухую ветку на части, бросила куски под ноги. Через мгновенье послышался стук кованых подков и лязг металла. На поляну стремительно влетел вооружённый отряд из десяти рыцарей. Их глазам предстала болезненного вида старая карга, сидящая на хворосте. От неё исходил такой аромат немытого тела, что кони нервно забили копытами, а кто-то из рыцарей зажал себе нос. Со стороны же картина была совсем иной: миловидная женщина с ровно выпрямленной спиной сидела не моргая и смотрела перед собой остекленевшим взором, как будто она лишилась рас-

судка. Старший группы сделал знак подъехать к старухе, но один из рыцарей показал на обилие её струпьев и кровоточащих ран, сплюнув в сторону. Не солоно хлебавши, все перекрестились, а главный отряда швырнул ей монету, чтобы откупиться от неудачи. Группа, развернув коней, поскакала прочь в поисках другой добычи, да так ретиво, как-будто за ними гналась сама смерть. Выдержав двадцать восемь биений сердца – по количеству своих лет – Рагмильда, наконец, сомкнула застывшие веки и расслабилась. Глубоко вдохнув, она подняла руки над головой и резко с выдохом опустила их вниз. Её зрение прояснилось, а сознание реальности вернулось к ней обратно. Она посмотрела на грошик, оценив возможность ночёвки в нормальном заведении с прилагаемой миской еды, поблагодарив бога за прискакавшего к ней дьявола в чёрных доспехах. Ведь для неё шёл третий день пути, и лесные привалы стали утомлять, а до столицы оставалось почти два дня ходу. Поэтому она решила последнюю ночку погреться у очага и понежиться на душистой соломе. **Является ли нормальным стремление человека к жизненным удобствам или же, чтобы быть живым, ему нужно оставаться полузверем, рыская по лесу в поисках нор и укромных лощин?**

По просёлочной дороге понуро тянулись многочисленные обозы крестьян на базар в соседний городок, чтобы продать товар и заплатить феодалу внеочередную мзду за счастье

ещё оставаться в живых. Кто-то тащил на собственном горбу свежую и солёную рыбу, другие тянули за собой живую еду на поводке, остальные удобно тряслись в скрипучих повозках с кудахтающими курями. Каждый день, из года в год, из столетия в столетие, без перемен люди делали то же, что и всегда. Рагмильда спокойно вышла из прилеска и непринуждённо пристроилась к веренице уставшего люда, словно на время отлучаясь по обычным и естественным делам. На неё даже никто не взглянул, ибо согбенные взоры черни с тяжёлой судьбиной были направлены только к земле. Завидев впереди одиноко плетущегося старика, она живо подскочила к нему и предложила свою посильную помощь понести его корзины. Так, она вполне сошла бы за его дочь или родственницу, не привлекая внимания вооружённых солдат или окружающего их люда. Скрюченный в дугу корзинщик посмотрел своим единственным глазом снизу вверх на снизошедшую помощь и, кряхтя, освободился от ноши. Женщина с лёгкостью подхватила его объёмистый груз, закинула лямки за спину, поправила кожаную суму и они продолжили свой путь. Всю дорогу каждый думал о своём – женщина составляла в уме план действий, а корзинщик грезил о грошах от удачной коммерции. Им приходилось часто останавливаться, так как старик переводил дыхание. Время от времени мимо колонны проносились всадники, и тогда толпа со страхом и боязнью прижималась к обочине. Наконец показались защитные стены с башнями. Вооружённый гар-

низон лениво поплёвывал с высоты на унылую серую массу, думая о своей лучшей судьбе. Главные входные ворота были открыты, и по опущенному на цепях мосту через окружной ров уставшая толпа двойным потоком вливалась в городок. Миновав стражу, Рагмильда спросила, куда идти дальше, и старик прошепелявил беззубым ртом, что осталось совсем недолго. Всякий город в средние века, большой или маленький, был очень похож на соседний такой же – все серые, каменные и грязные. Кругом благоухали помои, сновали крысы, ошивались бродяги и, обязательно, был дом божий, возле которого находился помост с установленной виселицей или же стояла плаха с топорами. Короткий приговор практически без промедления приводился в исполнение, отправляя бедолаг на небеса. Для горожан это было желанной потехой и единственным острым ощущенем. Когда закованную жертву выводили из темницы в последний «светлый путь», восторженная стайка оборвышей бежала с криками впереди, зазывая народ на долгожданное действо. Сейчас на виселице раскачивался забытый богом труп с полуобглоданным лицом, вокруг которого, каркая, вилась стая воронья. Рагмильду передёрнуло от увиденного. Время приближалось к полудню, и женщина почувствовала, что проголодалась. Пройдя дальше по кривым и грязным улочкам, они остановились возле дешёвого постоялого двора. Сюда старик и поставлял свои корзины, которые, по странному стечению обстоятельств, всегда были востребованы хозяином обшарпанного заведения. Они

наконец устало шагнули в тепло с морозного воздуха, и женщина ощутила, что её ноги отяжелели, а голод острым ножом вонзился в желудок. В корчме было много пустых столов, и она опустилась за один из них. Корзинщик подошёл к пузатому корчмарю, и они принялись что-то обговаривать, искоса посматривая на женщину. В камине трещали поленья, а на вертеле готовилась обеденная баранина. В воздухе пахло жареным мясом, спёртым воздухом, копотью и сальными свечами. Рагмильда заклевала носом и её сознание поплыло назад, к восходу солнца, когда она этим утром выползла из норы. Через какое-то время полудрёма прервалась внезапным ударом по столу, заставив её резко открыть глаза. Перед ней стояли трое мужчин – недружелюбный пузатый корчмарь, согбенный старик-корзинщик и грозного вида стражник с копьём и коротким мечом на поясе. Воин потребовал у неё суму для досмотра и стал грубо допытываться, откуда она и для чего сюда пришла. Мгновенно просчитав в уме различные комбинации и взвесив все «pro et contra», женщина мило улыбнулась им. Не сводя с них немигающих глаз, она сдёрнула капюшон и стала очень медленно снимать с волнистых, пшеничного цвета волос, шерстяной чепец. Почти все мужчины в любом возрасте остаются истуканами, попадая в силки женщин. Они ожидали увидеть простушку, которую легко могли бы пустить по кругу. Но эта троица застыла в изумлении от невиданной доселе красоты, раскрыв свои полугнилые рты. Их взору предстала светловолосая богиня, улыбка

которой сверкала жемчужным рядом зубов, ямочки на розовых щёчках источали яблочный аромат, а блеск глаз уносил в истому. Это был всего лишь очередной трюк от матери-настоятельницы, который позволял затуманивать взор – накидывая вуаль на разум, чтобы быстро ретироваться или же ввести в ступор агрессивного соискателя. Рагмильда снова показала своё мастерство и прошла очередное испытание. Эти трое могли присягнуть на распятии, что перед ними была голубоглазая дева. Со стороны казалось, будто они зачем-то вперились в пустой стол и не просто говорили с ним, но даже и что-то требовали от него. Постояв так возле замызганного стола, который упорно хранил своё деревянное молчание, они пожали плечами, посмотрели друг на друга и разошлись, кто куда. Женщина же спокойно вышла из-за стола, прихватила жаркое и, открыв дверь, исчезла в морозном воздухе. Как только дверь захлопнулась, они вздрогнули и ошарашено посмотрели по сторонам, заглядывая под столы в поисках пропажи, которая была ли ...?

Гийом де Мартэ был настоящим мастером своего ремесла. Он с молодости преуспел в этой работе и стал знаменитым не только в Шербурге, где проживал в небольшом шато на землях своего сюзерена. Он был мастером крыш, перекрытий и литья по металлу. Его умение являлось «вишенкой на торте» любой крепости, шато или дворца. Молва о его таланте разнеслась почти по всей Нормандии. Знать звала его

к себе, суля серебро в огромных количествах. Даже Церковь выказывала ему своё внимание и почтение. Де Мартэ всегда вёл учёт очередного заказа, последовательность которого неуклонно соблюдал. А тех, кто хотел попасть вне очереди, он твёрдо выпроваживал вон, что говорило о его железном характере, подстать тому ремеслу, которым он жил всю жизнь. По статусу ремесленники того времени были свободными горожанами. Они платили в казну налог, могли создавать цеха, определять цену производимым товарам, а иногда несли и воинскую повинность, если того требовало суровое время. Но такие, как мастер Гийом, имели особые привилегии от властей и общества. Это делало их особенными, хотя по иерархической лестнице они стояли ниже дворян-рыцарей и духовенства, но выше купцов и торговцев. Вклад в прекрасное многих мастеров средневековья был поистине огромен. Несмотря на жестокость правителей, влечение сеньоров к изыску и роскоши, воплощенное в камне и металле, увековечивало славу феодалам на века, не оставляя в стороне и имена самих творцов. За талант и непревзойдённость в ремесле некоторым мастерам даровался околодворянский титул. Городская власть инициировала указ, но само решение всегда проводилось через совещательный совет при епископе. Только после этого соискатель получал документ с гербовыми печатями и приставкой «де». Перед собственным именем предшествовало слово «мастер» и герб его цеха. На них разрешалось размещать изображения орудий

труда, таких как молоток, циркуль, мастерок и другие. Через пару столетий эти мастера создадут в Швейцарии гильдию вольных каменщиков, спасаясь от гонений Церкви в период жестоких религиозных войн. А ещё через несколько сот лет масонский орден обрастёт ложной мистификацией, создавая вокруг себя ореол магнетизма и неких тайн. Несмотря на то, что Франция была раздробленным королевством, мастер Гийом мог почти без труда из одной её части въезжать в другую, лишь заплатив въездную пошлину – это и была та самая «виза» в современном понимании. Вот и сейчас, когда кипела стройка на очередном объекте, где он задумал создать сложную узорчатую кровлю с устрашающим фасадом из бронзовых химер очередному сеньору, под стать его натуре, как невесть откуда гонец епископа Парижского вручил ему особое прошение срочно приехать в столицу – принять работы над фасадом кафедрального собора. Мастер Гийом де Мартэ всегда был против внеочередных просьб. Но именно его строптивая кандидатура была одобрена высшим духовенством. Лишь грязно выругавшись про себя в сторону сановных благодетелей и лицемерно надев на лицо ложную улыбку, он выдавил при посланнике «Да будет воля Божья» и стал собираться в дальний путь. Отдав распоряжения по текущей стройке и надеясь вернуться до следующей зимы, он не ведал того, что парижский объект будет завершён почти через сто пятьдесят лет. Там его судьба радикально изменится и пойдёт совершенно в другом направлении после

встречи со светловолосой женщиной. А столичный вояж затянется до конца жизни и даже перейдёт дальше, во внетелесное существование. У нотариуса было заверено завещание, в котором всё его движимое и недвижимое имущество принадлежало в равных долях жене, Кларе де Мартэ, и младшему их сыну Филиппу де Мартэ, на случай кончины главного кормильца. Ибо всякое могло нежданно-негаданно ворваться в жизнь любого смертного. Такое несчастье произошло несколько лет назад, когда его старший сын Жюльен погиб при трагических обстоятельствах во время возводимых работ на крыше строящегося шато. Внезапно налетела буря, сорвав часть ещё незакреплённой кровли с лесами. Тяжёлые балки обрушились вниз, на все чертежи и макеты, где за рабочим столом уснул его Жюльен. Мастер Гийом усвоил горький урок.

Когда погасла последняя звезда, ранним морозным утром 1210 года, два всадника поскакали из северной части Нормандии в Париж – особый гонец с охранными грамотами Престола и мастер Гийом де Мартэ с вьючной лошадью.

Через два дня в утренний час при въезде в столицу гонец отдал соответствующие бумаги своему подопечному и, пожелав удачи, ускакал прочь. И вот, волею судьбы два незнакомых человека с разных концов города стали приближаться друг к другу. Благородного вида всадник въезжал в Париж по северному мосту, а молодая бодрая странница вхо-

дила в столицу через его южные ворота. Каждый думал о своём. Мастер Гийом грезил о жарком с зеленью и о кубке бургундского, сочиняя в уме очередной архитектурный шедевр, за который Церковь сможет отвалить ему кругленькую сумму серебром. А Рагмильда хотела поскорее встретить того, кому была адресована особая книга в её суме. Столица предстала их взору с уже открытыми в такой ранний час многочисленными торговыми рядами, где вооружённая охрана строго надзирала за порядком и контролировала все лотки для сбора очередной и внеочередной подати. Убранством знатных домов, в которых, видимо, накануне отмечались какие-то торжества или проходили чьи-то похороны. Безлюдными улочками, где в одних окнах раздавался крик новорождённого, а из других доносился плач по усопшему. **В один дом входила новая жизнь, а из другого выходила смерть.** Было серо, уныло и промозгло до ноющей зубной боли. Обоим путникам хотелось есть и поскорей согреться от сырости. **Единая мысль об уюте безоговорочно скрепляет своей универсальной печатью людей в разные времена и эпохи.** Женщина хорошо знала, что ей надо идти к огромной стройке. Там найдёт нужного ей человека. Но вот где ведётся это строительство, сейчас спросить было не у кого. Пройдя дальше, она увидела одинокую фигуру трубочиста и поспешила к нему, полагая, что с черепичных крыш хорошо видно округу. Вдруг сзади послышался шум и истошные крики. Рагмильда резко обернулась и

увидела, как в её сторону бежит испуганная девушка, а вдалеке нарастал вой и топот. Та стремительно неслась к женщине. Не думая, Рагмильда подскочила навстречу к бегущей и, ловко схватив её за руку остановила на ходу, зажав ей рот ладонью. Платье на девушке было неподобающе спущено на плече, а сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть наружу. Они обе застыли в неподвижной позе. Топот ног и гвалт нарастал, а выкрики – «Цыпа, цыпа, цыпа», – становились пугающими. Беглянка, дрожа от страха, зажмурила глаза и приготовилась встретить свою безысходность. Отборные ругательства подбегающих мужчин ударили обеим в уши. Размахивающая руками пьяная группка, волнообразно пробегавшая мимо двух женщин, изумлённо бросала осоловелые взгляды на девочек-тройняшек лет восьми-девяти и, икая, продолжала дальше своё змеевидное преследование. Когда истошные крики затихли, Рагмильда сняла руку со рта девушки и перевела дыхание. Спасённая не верила, что до сих пор цела, невредима и жива, недоумевая, как их обеих не заметили. Девушка нервно глотала воздух, а рот отказывался говорить. Она так и осталась бы в этом состоянии, если бы Рагмильда не встряхнула её с силой. Приступ онемения прошёл, и девушка крепко вцепилась в свою спасительницу. Беглянка принялась пылко целовать ей руки и лицо. Рагмильда с усилием отстранилась от черезчур эмоциональной новой приятельницы. Тут девушка затараторила, что она – единственная дочь у своей престарелой матушки и что по-

могает ей по хозяйству в харчевне. Практически все дела лежат на ней, так как мать слегла от болезни месяц назад. Её сетованиям не было конца, ибо вставать надо с петухами и постоянно следить за хозяйством. Подсчитывать убытки и прибыль, а забываться долгожданным сном – лишь далеко за полночь. В «Курочке», так называлась харчевня, были постоялые комнаты, которые занимал рабочий люд. В столице полным ходом шло строительство огромного собора. Постояльцы – основная и доходная часть заведения – позволяли себе лишнее, когда напивались, становясь неотёсанными мужланами. Управы на них никакой нет, а королевский прево закрывает глаза на подобные «шалости», так как в столице не хватает рабочих рук. Несколько лет назад голод и хворь истребил много мастеровых людей, поэтому вновь прибывшие ведут себя развязанно и распускают руки, умудряясь то хлопнуть её по заднице то схватить за грудь, когда она прислуживает в зале, разнося еду и выпивку. А ведь она ещё незамужем и защиты нет, а ей надо быть целомудренной для хорошей и выгодной партии. Безусловно, за насильничество есть наказание, но ведь надо ещё доказать на суде – был ли таковой акт. А как это сделать, если единственные свидетели – похотливое мужичьё, да порука с подкупом? Вот так иногда и приходится вырываться из пьяных лап, да зловонных ртов и убегать от них, надеясь лишь на помощь Пресвятой Девы Марии. Но самое печальное, что утром никто из этих мерзких рож ничего не помнит о пьяных приключениях. И

жизнь продолжает идти своим чередом. Тут девушка предложила спасительнице бесплатный постой с приличной едой в знак благодарности. Рагмильда переспросила о строительстве собора и получила от неё согласие показать дорогу к стройке. Это именно то, что сейчас и нужно для следующего шага к цели, и они направились в харчевню. Рагмильда почти с трудом сдерживала приступ смеха, вспоминая пьяных мужланов с их «Цыпа, цыпа, цыпа», направляясь к «Курочке». **Как же курьёзны бывают названия**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.